

Галицко-русскій варіантъ сказанія о крестникѣ.

Пятый томъ «Збірника фільольогічної секції Наукового Товариства імени Шевченка у Львові» (Львовъ, 1902) содержитъ работу г. И. Верхратскаго: «Про говор лемків». Въ данномъ трудѣ, на ряду съ данными діалектологическими, приведены образцы говора лемковъ, въ видѣ нѣкоторыхъ матеріаловъ народной поэзіи, записанныхъ изъ устъ жителей интересующей автора области; среди ряда сказокъ, приведенныхъ г. Верхратскимъ, есть одна, представляющая варіантъ сказанія о крестномъ сынѣ. Нахожу необходимымъ въ виду дальнѣйшихъ соображеній изложить содержаніе этой сказки.

Особаго заглавія издатель ей не даетъ, но предпосылаетъ ей краткое изложеніе ея содержанія. Разсказываетъ она о бѣдныхъ супругахъ, у которыхъ вслѣдствіе ихъ бѣдности никто не хотѣлъ быть восприемникомъ новорожденнаго мальчика. Только въ другомъ селѣ отецъ находитъ одного прохожаго, который соглашается быть у него кумомъ и указываетъ, гдѣ найти куму. Послѣ крещенія прохожій пропадаетъ. По истеченіи шести лѣтъ мальчика отдають въ школу, гдѣ онъ хорошо учится; на праздникъ Пасхи онъ предпринимаетъ розыски своего крестнаго отца; встрѣтившійся прохожій говоритъ ему, что онъ и есть его крестный отецъ, и приглашаетъ его къ себѣ, объяснивъ дорогу. Явившись, согласно объясненіямъ крестнаго, въ лѣсъ на поляну, за которой находятся домъ крестнаго, мальчикъ видитъ сосну, на вѣткѣ которой виситъ колода, въ «пуутора цетнара» вѣсомъ, а подъ нею корыто меду. Является медвѣдица съ медвѣдемъ и медвѣжатами; она отбрасываетъ колоду, но та, падая вновь, убиваетъ медвѣдя и ее. Явившійся крестный приглашаетъ его въ домъ, позволяетъ гулять по дому и находящемуся при немъ саду, запретивъ ему входить въ одну комнату.

Мальчикъ проводить у крестнаго 30 лѣтъ, принимая ихъ за 3 дня (крестный не кто иной, какъ Христосъ); потомъ онъ проникаетъ въ запретную комнату, восходитъ на стоящій тамъ тронъ; стѣны комнаты распадаются, и онъ видитъ всю землю; прежде всего онъ замѣчаетъ, какъ его отецъ спитъ на полѣ, а Василь воруетъ у него пшеницу; онъ кричитъ, крикомъ будить отца, тотъ поднимаетъ въ свою очередь крикъ; сбѣжавшіеся люди хватаютъ вора. Далѣе крестникъ видитъ мать; къ ней лѣзетъ воръ; онъ опять кричитъ, мать просыпается; воръ хочетъ ее убить, но крестникъ «съ неба» (пояснено: «с того саду»; но какъ садъ и домъ крестника очутился на небѣ, неизвѣстно) бросаетъ желѣзомъ и убиваетъ вора. Далѣе—крестная мать: она спитъ; ея мужъ ушелъ къ любовницѣ; отъ крика крестника она также просыпается, идетъ къ любовницѣ, отнимаетъ у нея своего мужа; любовница арестована. Въ заповѣдной комнатѣ является Христосъ, упрекаетъ крестника и показываетъ ему результаты его дѣятельности: воръ, отсидѣвъ годъ въ тюрьмѣ, не научился ничему доброму и, выйдя изъ тюрьмы, поджегъ домъ его отца; второй воръ былъ разбойникъ; убивъ его, крестникъ долженъ теперь искупать его грѣхи; крестная мать и ея мужъ разошлись совсѣмъ, а любовница также лишь умножила свои грѣхи въ тюрьмѣ. Крестникъ посылается на землю искупать ихъ и свои грѣхи. По указанію самого Христа онъ идетъ въ лѣсъ къ старцу; послѣдній велитъ ему срубить и сжечь дерево, взять три головы, зарыть ихъ и поливать, нося ежедневно воду. Крестникъ исполняетъ это; старецъ умираетъ, и крестникъ остается жить въ его хатенкѣ; люди носятъ ему пищу; смущенный честью, которую воздаютъ ему люди, онъ удаляется въ болѣе пустынное мѣсто. Оттуда онъ приходитъ однажды къ мѣсту, гдѣ зарыты головы, и видитъ, что одна изъ нихъ проросла. Затѣмъ онъ встрѣчаетъ разбойника; онъ рассказываетъ разбойнику о себѣ и убѣждаетъ его покаяться: разбойникъ прогоняетъ его, угрожая смертью. Черезъ 10 лѣтъ прорастаетъ вторая головня; слѣдуетъ новая встрѣча съ разбойникомъ (2-я), съ тѣмъ же результатомъ. Черезъ новыя 10 лѣтъ опять встрѣча съ разбойникомъ (3-я); разбойникъ уступаетъ убѣжденіямъ крестника и кается; прорастаетъ 3-я головня. Крестникъ благодаритъ Бога; на другой день крестникъ умираетъ; разбойникъ занимаетъ его мѣсто.

Я намеренно детально изложилъ содержаніе интересующей меня сказки. Не сомнѣваюсь, что всякому, знакомому съ легендарными разсказами Л. Н. Толстого, она напомнитъ разсказъ послѣдняго «Крестникъ». Сходство простирается на планъ всего разсказа, на порядокъ составляющихъ его подробностей и даже на мелкія детали.

Едва ли есть надобность пересказывать содержаніе Толстовскаго разсказа и проводить подробно его сравненіе со сказкой г. Верхратскаго, въ виду слишкомъ большой его извѣстности. Напомню развѣ подробность, бросающуюся въ глаза по сходству съ соотвѣтствующею подробностью сказки: воръ, который крадетъ съ поля снопы у отца крестника, называется и у Толстого Василиемъ; первый разъ это имя приводится съ фамиліей: «Этотъ Василій Кудряшовъ, воръ, ѣдетъ» (гл. 5), а дальше безъ фамиліи; вапомню еще хотя бы сцену съ медвѣжатами. Различія касаются чертъ второстепенныхъ; укажу нѣкоторыя: въ повѣствованіи о томъ, что видѣлъ крестникъ съ неба, у Толстого прежде разсказано о случаѣ съ крестною матерью, потомъ—съ родной матерью; въ сказкѣ—наоборотъ; у Толстого первая встрѣча съ разбойникомъ происходитъ до удаленія крестника въ болѣе пустынное мѣсто, а вторая—какъ разъ на пути крестника къ «оврагу», который онъ избралъ себѣ для поселенія; въ сказкѣ всѣ встрѣчи съ разбойникомъ происходятъ послѣ переселенія крестника; главы 7-я и 8-я въ разсказѣ Толстого повѣствуютъ о четырехъ загадочныхъ встрѣчахъ, бывшихъ у крестника на пути, когда онъ, выйдя отъ крестнаго, ищетъ способа, какъ искупить «свои и разбойниковы грѣхи» (телушка въ хлѣбѣ; грязный рушникъ; мужики, кружащіе ободья; гуртовщики); нравственный выводъ изъ этихъ встрѣчъ крестникъ дѣлаетъ въ концѣ разсказа; всего этого въ сказкѣ нѣтъ. Въ существенномъ же сходство обоихъ разсказовъ несомнѣнно и поразительно.

Конечно, ни Л. Н. Толстой, ни галицкая сказка изобрѣтателями самой темы разсказа не являются. Исторія крестнаго сына служитъ темою стариной легенды, дошедшей какъ въ рукописной традиціи, такъ и въ устной народной словесности. Рукописные тексты (насколько они мнѣ извѣстны, по крайней мѣрѣ), разсказываютъ о событіяхъ, о которыхъ сообщается въ первой половинѣ разбираемой

повѣсти (т. е. галицкой сказки и толстовскаго разсказа): о встрѣчномъ незнакомцѣ, дѣлающемся кумомъ бѣдняку, о встрѣчѣ съ нимъ крестника въ день Пасхи, о путешествіи крестника къ нему (причемъ крестнымъ отцемъ оказывается самъ Христосъ), о строгихъ судахъ крестника и о возвращеніи его домой, послѣ чего онъ ведетъ добродѣтельную жизнь и угождаетъ Богу. Содержаніе судовъ разнообразится; по преимуществу разсказывается, что крестникъ видитъ воровство, разбой, прелюбодѣяніе; по его желанію преступники наказываются огнемъ съ неба, нападеніемъ звѣрей, потопленіемъ корабля, паденіемъ на нихъ стѣны зданія ¹⁾).

Устный варіантъ, записанный у Аѳанасьева ²⁾, содержитъ въ началѣ то же повѣствованіе, но безъ указанныхъ судовъ. Есть лишь одинъ судъ, влекущій за собою такую же перемѣну въ судьбѣ героя повѣсти, какъ и въ разсказахъ Толстого и галицко-русскомъ: въ зановѣдномъ покоѣ, куда крестный отецъ запретилъ крестнику входить, но куда онъ все-таки проникаетъ, онъ видитъ разбойника, передъ которымъ стоитъ на колѣнахъ человѣкъ; «жалко ему стало того человѣка, ухватилъ онъ камень и убилъ разбойника». Разбойникъ умеръ безъ покаянія, и по велѣнію Господа крестникъ долженъ выкупать его грѣхи. Однако, способъ этого искупленія въ Аѳанасьевскомъ разсказѣ иной, какъ и вообще дальнѣйшее содержаніе разсказа совершенно иное: оно представляетъ «варіантъ... сказки, героемъ которой является Незнайка» ³⁾. Легенда напечатана Аѳанасьевымъ по тексту изъ собранія Даля; кѣмъ, гдѣ записанъ данный варіантъ, непосредственно ли отъ народнаго разсказчика, и насколько точно, указаній нѣтъ.

Какъ бы то ни было, вторая часть Аѳанасьевской легенды отношенія къ данному мотиву не имѣетъ. Первая же ея часть интересна потому, что представляетъ исторію о крестномъ сынѣ въ соединеніи съ мотивомъ покаянія разбойника или, точнѣе, съ мотивомъ иску-

¹⁾ Въ сборникѣ Аѳанасьева: „Народныя русскія легенды“, 183—7, въ примѣчаніяхъ къ № 30, напечатанъ одинъ изъ старыхъ текстовъ повѣсти о крестномъ сынѣ, заимствованный изъ рукописнаго собранія Даля; какъ сообщаетъ издатель, этотъ текстъ представляетъ „очевидно“ выписку „изъ какого-нибудь рукописнаго сборника“ (сдѣланную В. И. Далемъ?). Свидѣній болѣе обстоятельныхъ о данной рукописи не сообщено.

²⁾ Нар. рус. легенды, № 30.

³⁾ Н. соч., 183.

плєнія грѣховъ разбойника; искупленіе совершается не самимъ разбойникомъ, а Господнимъ крестникомъ, принимающимъ на себя грѣхи разбойника. Этого соединенія рукописные тексты не знаютъ; они говорятъ, что возвратившійся на землю крестникъ жилъ праведно и угодилъ Богу.

Пересказы Толстого и галичко-русскій также (подобно указанной легендѣ у Аѳанасьева) заставляютъ крестника искупать грѣхи разбойника, послѣ того, какъ онъ убилъ послѣдняго; что же касается способа искупленія въ этихъ двухъ пересказахъ (сгорѣвшія головни и поливаніе ихъ), то онъ представляетъ, какъ извѣстно, сюжетъ многочисленныхъ, распространенныхъ у разныхъ народовъ, рассказовъ о покаяніи разбойника или кровосмѣсителя, о которыхъ не разъ говорили изслѣдователи ходячихъ литературныхъ сюжетовъ, и которые находятъ себѣ параллель въ апокрифической литературѣ, гдѣ мотивъ такого покаянія приуроченъ къ кровосмѣсителю Лоту¹⁾.

Въ русскомъ пересказѣ этого сюжета, вошедшемъ въ то же собраніе легендъ Аѳанасьева²⁾, на ряду съ повѣствованіемъ о томъ, какъ кающійся поливаетъ головни, находимъ и сообщеніе о встрѣчахъ съ разбойникомъ, котораго кающійся преступникъ приводитъ къ покаянію. Въ настоящей замѣткѣ я не имѣю въ виду заниматься изслѣдованіемъ общаго вопроса о происхожденіи и исторіи сказаній о покаяніи разбойника, а равно и сказанія о крестникѣ, объ отношеніи этихъ сказаній между собою и къ другимъ памятникамъ (говоря о другихъ памятникахъ, я имѣю въ виду прежде всего апокрифическое сказаніе о смерти Авраама, извѣстное и въ византійской и въ славянскихъ литературахъ³⁾; въ немъ строгіе суды приписаны праотцу Аврааму, восхищенному арх. Михаиломъ на небо; послѣ судовъ, въ виду ихъ чрезмѣрной строгости, арх. Михаилъ по повелѣнію Божію возвращаетъ Авраама на землю. Содержаніе судовъ въ апокрифѣ не тождественно съ содержаніемъ судовъ крестника, но все же близко къ нему; преступления: прелюбодѣяніе, разбой, воровство; кары: огонь съ неба, звѣри, поглощеніе разверзшейся землею. Весьма возможно, что мотивъ строгихъ судовъ по-

¹⁾ Ср. *Веселовскій*, Разысканія..., X (Сборн. о. р. я. а сл. А. Н., 32).

²⁾ № 28.

³⁾ *А. Васильевъ*, *Anecdota graeco-byzantina*. М. 1893, р. 293, sqq.; *Тихонравовъ*, Пам. отр. р. а-ры, I, 79 сл.

шелъ именно изъ указаннаго анокрифа); въ настоящее время меня интересуютъ частный вопросъ о взаимоотношеніи толстовскаго и галицко-русскаго, напечатаннаго г. Верхратскимъ, рассказовъ, а общей исторіи данныхъ литературныхъ мотивовъ я касаюсь постольку, поскольку это мнѣ кажется необходимымъ для указаннаго частнаго вопроса. Мнѣ прежде всего интересно отмѣтить, что и Толстовскій рассказъ и галицко-русскій, какъ видно изъ изложеннаго, совпадая другъ съ другомъ и въ цѣломъ и въ подробностяхъ, довольно значительно отличаются отъ прочихъ переработокъ тѣхъ же мотивовъ. Содержаніе судовъ, разнообразящееся въ различныхъ указанныхъ выше памятникахъ, совпадаетъ въ обоихъ, интересующихъ меня, пересказахъ; оба пересказа представляютъ одинаковое соединеніе легендарныхъ мотивовъ о крестномъ сынѣ и о покаяніи разбойника, соединеніе, которое въ другихъ пересказахъ, по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстныхъ, не встрѣчается. Ближе всѣхъ стоитъ къ такому типу сказанія указанный выше Аѳанасьевскій пересказъ (№ 30), который присоединяетъ къ сказанію о крестникѣ эпизодъ о разбойникѣ, замѣняя имъ рассказы о другихъ строгихъ судахъ и заставляя крестника взять на себя грѣхи разбойника; но дальше онъ ведетъ крестника совсѣмъ инымъ путемъ. При всемъ различіи этого послѣдняго пересказа и интересующаго насъ вида сказанія (у Толстого и Верхратскаго), Аѳанасьевскій пересказъ позволяетъ думать, что соединеніе двухъ основныхъ темъ: о крестникѣ и объ искупленіи грѣховъ разбойника, совершилось въ той средѣ, откуда произошелъ № 30-й Аѳанасьева, т. е. средѣ народной. Но мы не имѣемъ данныхъ, чтобы приписывать народнымъ пересказамъ введеніе въ исторію крестника именно того способа искупленія, того именно покаяннаго подвига, который мы находимъ у Толстого и Верхратскаго. И можетъ быть, пересказы, находимые у этихъ послѣднихъ, воспользовались намекомъ на соединеніе исторіи крестника съ мотивомъ искупленія грѣховъ, содѣянныхъ разбойникомъ, указаніемъ на покаяніе крестника за его грѣхи, но использовали эту идею иначе: зная другую легенду о покаяніи грѣшника, легенду, заставляющую его поливать головы, примѣнили къ крестнику именно этотъ способъ покаянія, который болѣе шелъ къ общему суровому религіозному аскетическому тону повѣсти.

Сходство между обоими интересующими меня пересказами этимъ не ограничивается: оно простирается на такія детали, которыя дѣлають труднымъ объясненіе сходства тѣмъ, что оба они воспользовались одинаковымъ источникомъ и, развивая его на свой страхъ, совпали въ этомъ дальнѣйшемъ развитіи легенды.

Трудно представить, чтобы въ двухъ мѣстахъ, столь далекихъ другъ отъ друга, у двухъ перелагателей легендъ, и перелагателей столь различныхъ, какъ Л. Н. Толстой и галицко-русскій народный сказочникъ, получился совершенно одинаковый рассказъ, представляющій тождественное сочетаніе нѣсколькихъ основныхъ мотивовъ (исторія крестника, строгіе его суды, плачевные ихъ результаты, эпизодъ съ медвѣдицей, искупленіе грѣховъ разбойника, встрѣчи съ молодымъ разбойникомъ и т. д.; сходство во всемъ планѣ повѣствованія; прибавка къ традиціоннымъ мотивамъ тѣхъ же новыхъ данныхъ: медвѣдица, молодой разбойникъ). Интересующее меня совпаденіе обоихъ пересказовъ можно было бы объяснить или тѣмъ, что оба они воспользовались общимъ источникомъ, который имѣлъ уже указанные особенности, и воспроизвели его съ точностью, или же вліяніемъ одного пересказа на другой (посредственнымъ или непосредственнымъ). Пока другіе пересказы, дающіе подобную же картину, неизвѣстны, эти особенности, принадлежащія только даннымъ пересказамъ, побуждаютъ меня склоняться къ послѣднему предположенію. Но если такъ, то можно ли думать объ усвоеніи Толстымъ галицко-русскаго пересказа? Печатный текстъ г. Верхратскаго появился много позднѣе обнародованія «Крестника», а указаній на знакомство Толстого съ галицко-русскими сказочниками я не знаю. Но этого мало: я думаю, что народныхъ пересказовъ, которые передавали бы дѣло въ такомъ видѣ, какъ оно представлено въ интересующемъ меня типѣ повѣсти, и которые могли бы послужить источникомъ для великаго писателя, не было, да и не могло быть до его «Крестника». Толстой, вообще, былъ человекомъ съ слишкомъ рѣзко выраженною индивидуальностью, чтобы передавать традиціонные рассказы безъ измѣненія, и обыкновенно видоизмѣнялъ ихъ; данная же легенда, именно въ рассматриваемомъ видѣ, по своимъ внутреннимъ признакамъ, повидному, носить печать сознательной, скажу болѣе: тенденціозной обработки, прино-

ровленной къ весьма опредѣленному міровоззрѣнію, именно тому міровоззрѣнію, которое извѣстно намъ изъ нравоучительныхъ сочиненій Толстого; мало того, — носить печать именно тѣхъ сторонъ въ Толстовскомъ ученіи, которыя особенно настойчиво и усиленно проводились писателемъ какъ разъ въ годы, когда былъ написанъ «Крестникъ». Все то, что отличаетъ наши два пересказа отъ старой легенды, носить яркій отпечатокъ теоріи непротивленія злу, ученія о томъ, что всякое зло и всякое насиліе является только источникомъ новаго зла. «Вижу я теперь», говоритъ у Толстого крестникъ, «что зло отъ зла умножается. Что болѣе гоняють люди зло, болѣе зла разводятъ. Нельзя, значить, зло зломъ изводить» (гл. 7). Къ главной фабулѣ привлекаются различные эпизоды, подгоняемые подъ ту же основную идею, даже въ ущербъ художественной цѣльности и простотѣ повѣствованія.

Исторія съ медвѣдцей, играющая роль придуманной ad hoc аллегоріи, пристроенная къ разсказу довольно неудачно и мало съ нимъ связанная, указываетъ, какъ злоба, съ которою медвѣдица все выше и выше отбрасывала колоду, наконецъ погубила и ее и медвѣдя. О судьбѣ медвѣжатъ далѣе ничего неизвѣстно; да и весь эпизодъ съ медвѣдями (гл. 4-я Толстовскаго разсказа) въ повѣствованіи роли болѣе не играетъ, и только въ 6-й главѣ Господь, посылая крестника на землю, толкуетъ ему видѣнное, уподобляя его раздраженію противъ вора злости, съ которою медвѣдица отбрасывала колоду: это одна изъ загадочныхъ встрѣчъ, которыя Толстой ввелъ въ свою повѣсть, и которыхъ не знаетъ старинная легенда о крестникѣ. Общій мотивъ загадочныхъ встрѣчъ извѣстенъ народнымъ сказкамъ¹⁾ и могъ быть подсказанъ ими, но содержаніе встрѣчъ придумано, повидимому, Толстымъ въ духѣ его основныхъ моральныхъ положеній и для иллюстраціи ихъ и напрасно осложняютъ ясную и простую фабулу. Но самое главное измѣненіе касается судовъ. Наказанія у Толстого вездѣ смягчены: въ старой легендѣ крестникъ (какъ и Авраамъ въ апокрифѣ) каралъ грѣшниковъ только смертю, тутъ же, на мѣстѣ; разбираемая версія легенды ведетъ ихъ въ тюрьму; это на-

¹⁾ Пересказъ легенды о крестникѣ въ „Сѣверныхъ сказкахъ“ г. Ончукова, значительно измѣненный, знаетъ загадочныя встрѣчи, но иного содержанія, и едва ли стоитъ въ связи съ Толстовскимъ пересказомъ.

казаніе отлично отъ стараго не только по степени и по формѣ, но и по своей идеѣ: къ грѣшникамъ примѣняются мѣры государственнаго правосудія, мѣры, которымъ такъ не сочувствовалъ Толстой. Однако и эти наказанія, смягченныя сравнительно со старою легендою, приносятъ печальные плоды: грѣшники въ тюрьмѣ еще больше развращаются, семейная жизнь крестной матери героя повѣсти испортилась. Старая легенда просто осуждаетъ строгаго судью (Авраама, крестника) за его жестокость; наша версія ясно окрашена опредѣленной правоучительной тенденціей, обличающей печальные результаты суда вообще (ибо онъ не оказывается очень строгимъ), притомъ суда, облеченнаго въ установленныя государственнымъ уголовнымъ закономъ формы, а не внушеннаго гнѣвнымъ порывомъ отдѣльной личности. Едва ли можно приписать эту переработку съ ея опредѣленной правоучительной тенденціей, съ ея послѣдовательно проведеннымъ соотвѣтствіемъ именно Толстовскому ученію, крестьянской средѣ, а не сознательному моралисту, образованному перелателю старинныхъ легендарныхъ сюжетовъ.

Въ виду всего изложеннаго, кажется, скорѣе всего слѣдуетъ признать, что тотъ сложный видъ сказанія о крестникѣ, который мы находимъ въ галицкой сказкѣ и у Толстого, нѣтъ основаній возводить къ нѣкоторому общему для этихъ пересказовъ источнику, но что онъ принадлежитъ нашему писателю. Я не знаю, насколько извѣстенъ Толстой въ Галицкой Руси; знающіе галицко-русскую жизнь могутъ сказать, имѣетъ ли основаніе моя догадка, но мнѣ кажется, что извѣстность великаго русскаго писателя, давно достигшая міровыхъ размѣровъ, допустима и для галицко-русскаго населенія; изложенныя выше соображенія заставляютъ меня скорѣе всего приписать интересующую насъ версію сказанія о крестникѣ именно Толстому, а въ галицко-русской сказкѣ видѣть результатъ усвоенія Толстовскаго разсказа. Если такъ, то различіе, выражающееся въ отсутствіи въ галицкой сказкѣ загадочныхъ встрѣчъ крестника при началѣ его искупительнаго подвига, является пропускомъ, который можно объяснить безсознательнымъ стремленіемъ къ большей простотѣ повѣствованія, ставшаго уже слишкомъ пестрымъ и принявшаго много второстепенныхъ эпизодовъ, или даже просто объяснить забвеніемъ, которому подверглись прежде

всего эти второстепенные, осложняющіе эпизоды. Равнымъ образомъ моральныя разсужденія Толстого въ духѣ «непротивленія злу» естественно подверглись ограниченію, а частью и вовсе опущены сказочникомъ.

Соображенія, заставляющія меня видѣть источникъ галицко-русской сказки именно въ разсказѣ Толстого, косвенно подкрѣпляются, по моему мнѣнію, и свидѣтельствомъ изданнаго Аѳанасьевымъ устнаго пересказа, именно тѣмъ, что этотъ пересказъ даетъ соединеніе легенды о крестникѣ съ легендою объ искупленіи грѣховъ разбойника. Записанный гораздо раньше появленія на свѣтъ Толстовскаго «Крестника», Аѳанасьевскій пересказъ позволяетъ думать, что такое соединеніе было уже и въ народной словесности, именно великорусской; изученіе причинъ и источниковъ такого соединенія не входитъ сейчасъ въ мою задачу, которая заключается только въ объясненіи совпаденія Толстовскаго разсказа и галицко-русской сказки. Весьма возможно, что Толстому и былъ извѣстенъ народный разсказъ подобнаго вида. А можетъ быть на него повліялъ именно текстъ Аѳанасьевского изданія? Помимо общихъ соображеній объ извѣстности этого послѣдняго и, стало быть, доступности его для Толстого, я, допуская это, имѣю въ виду такую совпадающую въ обоихъ пересказахъ подробность: послѣ убійства крестникомъ разбойника Господь въ Аѳанасьевскомъ пересказѣ говоритъ: «Этотъ разбойникъ убилъ въ жизнь свою девять человѣкъ, а ты его грѣхи теперь на себя снялъ; ступай же на землю и трудись, пока грѣхъ свой не замолишь!». У Толстого: «этотъ человѣкъ девять душъ загубилъ. Ему бы надо самому свои грѣхи выкупать, а ты его убилъ, всѣ грѣхи его на себя снялъ... Теперь тебѣ за всѣ его грѣхи отвѣчать... Иди въ міръ, выкунай разбойниковы грѣхи». Усвоивъ себѣ это соединеніе, Толстой очень легко уже могъ замѣнить продолженіе Аѳанасьевского пересказа, взятое изъ другого цикла сказокъ и пристроенное къ началу не очень удачно, инымъ, которое взято изъ тѣхъ сказаній о покаяніи разбойника, гдѣ разбойникъ поливаетъ зарытыя головы и выращиваетъ изъ нихъ деревья. Этотъ мотивъ отличается болѣе серьезнымъ и строгимъ характеромъ, а потому и оказывался болѣе подходящимъ. Весьма вѣроятно, что и этотъ мотивъ, въ главныхъ по крайней мѣрѣ чертахъ, Толстой

заимствовалъ изъ того же Аонасьевского сборника, который содержитъ нѣсколько его вариантовъ (№ 28 и примѣчанія къ нему). Изучая сборникъ Аонасьева, Толстой могъ найти въ разныхъ вариантахъ легенды, приведенныхъ издателемъ, различныя детали, которыми и воспользовался; главнымъ образомъ я имѣю въ виду рассказъ о строгихъ судахъ крестника, приведенный Аонасьевымъ по Далевской рукописи въ примѣчаніяхъ къ № 30 (см. выше); далѣе вариантъ, приведенный подъ № 28^b, рассказывающій о покаяніи разбойника, знаетъ такую подробность, какъ встрѣчи кающагося грѣшника съ разбойникомъ, который ѣздитъ мимо него и расцѣвуетъ пѣсни, и который наконецъ обращается на путь истины. Такимъ образомъ, я склоненъ думать, что въ основныхъ чертахъ все содержаніе своей легенды Толстой взялъ именно изъ сборника Аонасьева; отсюда онъ почерпнулъ и мысль объ объединеніи отдѣльных ея элементовъ, идущую изъ великорусскаго народнаго пересказа. Но это объединеніе было имъ видоизмѣнено, развито и освѣщено съ опредѣленной моральной точки зрѣнія. Процессъ созданія нашей легенды въ цѣломъ, такимъ образомъ, является довольно сложнымъ и дѣломъ не одного человѣка. Тѣмъ болѣе трудно было бы допустить независимое сложеніе въ другомъ мѣстѣ русской земли совершенно такого же повѣствованія, и я тѣмъ болѣе склоненъ думать о повѣсти Толстого, какъ объ источникѣ записанной г. Верхратскимъ сказки, а не наоборотъ; при такомъ предположеніи исторія развитія легенды становится болѣе ясной: отъ Аонасьевского пересказа къ Толстому, отъ него къ галицкой сказкѣ.

Резюмирую мои соображенія. Я полагаю, что въ основѣ галицко-русскаго сказанія о крестникѣ лежитъ легенда Толстого «Крестникъ», переданная очень вѣрно, лишь съ нѣкоторыми пропусками. Толстой же при созданіи этой легенды, руководился, по всей вѣроятности, сборникомъ легендъ Аонасьева, давъ своеобразную и проникнутую опредѣленнымъ, въ духѣ его моральнаго ученія, освѣщеніемъ комбинацію легендарныхъ мотивовъ, которые онъ нашелъ въ названномъ сборникѣ, именно: въ легендѣ № 30, рукописномъ вариантѣ къ ней, приведенномъ въ примѣчаніи, и въ легендахъ № 28^a и 28^b.

А. Кадлубовскій.